

КЛЮЧЕВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА УРОВНЕ КОММУНИКАЦИИ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ КЛЮЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ

*Работа представлена кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин
филиала Московского государственного университета технологий и управления.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. В. Пузырёв*

Статья посвящена проблеме восприятия ключевых элементов поэтического текста носителями русского и французского языков. Проведенный психолингвистический эксперимент показал, что стержневой характер ключевого элемента и его смысловое обогащение являются объективным феноменом и воспринимаются большинством респондентов.

Ключевые слова: ключевой элемент, поэтический текст, психолингвистический эксперимент, восприятие ключевых элементов, уровень коммуникации.

The article is devoted to the problem of perception of the key elements in a poetic text by speakers of the Russian and French languages. The psycholinguistic experiment showed that the pivotal nature of a key element and its semantic enrichment are an objective phenomenon and that they are perceived by the majority of respondents.

Key words: key element, poetic text, psycholinguistic experiment, key element perception, level of communication.

В данной статье речь пойдет о психолингвистических особенностях восприятия ключевых элементов на уровне коммуникации.

Известно, что уровень коммуникации – это действительность языка, его актуально наличное бытие [4, с. 258]. На уровне коммуникации происходит восприятие читателем поэтического текста, содержащего ключевой элемент, и на первый план выходит уникальная неповторимость конкретной личности, коммуницирующей с текстом.

Существенно то, что восприятие одного и того же поэтического текста разными субъектами, несомненно, будет отличаться специфическими неповторимыми особенностями, соответственно, на уровне коммуникации мы имеем наличие разных точек зрения на один и тот же поэтический текст, и ни одна из этих точек зрения не может быть признана «неправильной», не имеющей права на существование – в этом и заключается особенность данного уровня ис-

следования. «Уровень коммуникации – царство субъективности», на уровне коммуникации субъект восприятия всегда прав [4, с. 272].

Поскольку автор настоящего исследования находится на уровне коммуникации с текстом, закономерен вопрос об объективности автора исследования в выделении и интерпретации ключевых элементов поэтических текстов.

Данное исследование ставит своей целью выяснить, насколько автор данной работы субъективен в своем исследовании ключевых элементов поэтических текстов.

В целях выявления объективности нашего восприятия ключевых элементов в русских и французских стихотворных текстах был проведен *закрытый (направленный) ассоциативный эксперимент*.

Гипотеза предпринятого нами исследования была сформулирована следующим образом: стержневой характер ключевого элемента и его смысловое обогащение (семантическая трансформация, изменение семантического объема) в процессе развития текста являются объективным феноменом и воспринимаются большинством респондентов.

Материалом для проведения эксперимента послужили стихотворные тексты, принадлежащие как русским, так и французским поэтам: «След» Л. Мартынова, «Черная шаль» А. С. Пушкина, «Ночные переправы» А. Поперечного, «Огонек» М. Исаковского, «Chevaux de bois» de Paul Verlaine, «Chanson des sardinières» de Jacques Prévert, «Le temps des cerises» de Jean-Baptiste Clément, «Le Roi boiteux» de Gustave Nadaud.

Во всех указанных стихотворных текстах, по мнению автора диссертационного исследования, имеет место быть семантико-композиционная доминанта, обладающая смысловым неравенством самой себе в начале и финале текста, т. е. используется особый семантико-композиционный прием, проявляющийся в наличии ключевого элемента.

В данном психолингвистическом исследовании нами использовалась методика статистического анализа. Статистическая

обработка данных эксперимента проводилась по χ^2 -критерию, что позволило повысить надежность результатов проделанной работы и объективизировать их достоверность.

В эксперименте приняли участие носители русского языка, количество которых составило 578 человек, и носители французского языка в количестве 137 человек, включая анкетирование 10 граждан Франции, возраст испытуемых от 18 до 60 лет. Средний возраст испытуемых – 20–25 лет (основная часть респондентов – студенты).

Задания анкеты, предлагаемые респондентам на русском и французском языках, носили идентичный характер.

Методика проведения эксперимента заключалась в предъявлении испытуемым четырех небольших по объему стихотворных текстов, к каждому из которых был сформулирован соответствующий вопрос. Хотя время, необходимое для формулировки ответов не ограничивалось и специально не учитывалось, для выполнения всех четырех заданий испытуемым требовалось в среднем 15–20 минут.

Первый вопрос, поставленный перед русскими и французскими респондентами, звучал следующим образом:

а) Прочитайте, пожалуйста, внимательно данное ниже стихотворение и выделите в нем самое важное, на Ваш взгляд, слово. Обоснуйте, пожалуйста, ниже Ваш ответ.

б) Lisez, s'il vous plaît, attentivement la poésie donnée ci-dessous et soulignez le mot le plus important, votre avis, dans le texte. Expliquez s'il vous plaît votre avis, si c'est possible.

Русскоязычным респондентам для ответа на этот вопрос было предложено стихотворение **Л. Н. Мартынова «След»** (в качестве ключевого элемента в нем выступает существительное *след*).

СЛЕД

А ты?
Входя в дома любые –
И в серые,
И в голубые,
Всходя на лестницы крутые,
В квартиры, светом залитые,
Прислушиваясь к звону клавиш

И на вопрос даря ответ,
Скажи:
Какой ты след оставишь? –
След,
Чтобы вытерли паркет
И посмотрели косо вслед,
Или
Незримый, прочный след
В чужой душе на много лет?

В своем мнении по поводу ключевого слова данного текста мы солидарны с мнением Н. М. Шанского [6, с. 65]. Данное существительное является центром поэтической рефлексии и в процессе развития текста выходит на первый план, актуализируя свое периферийное значение. Сравним исходное значение данного существительного – его словарную дефиницию: след как *отпечаток, оттиск ноги или лапы на какой-либо поверхности* [5, с. 1166] и новое значение, приобретенное в результате семантической трансформации: след как *память о человеческих делах и поступках, по которым будут судить об этом человеке*. Таким образом, данное слово оказывается не равным самому себе в начале и конце текста. Оно становится семантически многослойным, совмещая в себе не менее двух значений в пределах данного конкретно взятого текста, а, следовательно, обладает семантико-стилистической вариативностью – основополагающей характеристикой всех ключевых элементов.

Франкоговорящим респондентам для ответа на этот вопрос было предложено стихотворение **Paul Verlaine «Chevaux de bois»**, содержащее ключевое слово *tourner*.

В целях соблюдения ограниченного объема статьи приведем лишь начальную и финальную строфы данного стихотворного текста:

CHEVAUX DE BOIS

Tournez, tournez, bons chevaux de bois,
Tournez cent tours, tournez mille tours,
Tournez souvent et tournez toujours,
Tournez, tournez au son des hautbois.
<...>
Tournez, tournez ! le ciel en velours
D'astres en or se vkt lentement.
Voici partir l'amante et l'amant.
Tournez au son joyeux des tambours!

Ключевой элемент данного стихотворения выражен ключевым словом *tourner*, которое также претерпевает изменение своего семантического объема, в результате чего приобретает несвойственное ему дополнительное значение, не зафиксированное в словаре: 1) *tourner – se mouvoir circulairement* [2, с. 596]: кружиться – совершать круговые движения и 2) *tourner – жить энергичной жизнью, кружась в круговороте событий*. Второе значение в данном поэтическом тексте является индивидуально-авторским, поскольку оно не зафиксировано в словаре, а релевантно лишь в рамках данного поэтического текста.

Оба данных текста содержат ключевые элементы, выраженные словом.

Анализ ответов русскоговорящих респондентов показал высокую степень определения ключевого слова: 455 человек из 578 (78,7%) выделили существительное «след» как самое важное по смыслу слово.

Подобные результаты показали и франкоговорящие ии.: 98 человек из 137 (71,5%) посчитали данное слово в тексте самым важным, а при мотивировке своего выбора ссылались на его доминантную роль в лексико-семантической структуре текста.

Применение статистического инструмента «хи-квадрат критерий» подтверждает примерно одинаковую степень выделяемости ключевых слов русскими и французскими респондентами. Подвергнув данные статистическому анализу по методике χ^2 -критерия (при одной степени свободы), мы получили результат 0,61, тогда как границами существенности для одной статистической вероятности являются значения в закрытом интервале от 0,1 до 3,84. Полученный результат находится в пределах этого интервала, следовательно, отклонения выборочных частот можно признать случайными, а наблюдаемые частоты принадлежат одной и той же вероятности. Вполне правомерен вывод о том, что различия в выделении ключевых слов носителями русского и французского языков незначительны – и те и другие уверенно распознают

доминантную роль ключевых слов в лексико-семантической структуре стихотворного текста.

По характеру мотивировки ответы испытуемых можно разделить на следующие группы:

1) выражение личностного эмоционально-оценочного отношения, вызванного данным словом, например, ответы типа:

- автор подчеркивает, что очень важно в этой жизни оставить след в душе людей, как память о себе, о своих поступках;

- необходимо, чтобы люди, с которыми ты встречался, вспоминали тебя как хорошего человека;

- автор хочет показать, какой след надо оставить, чтобы тебя помнили;

- ces bxtes se tournent comme tous les événements de la vie des gens;

- ce mot donne cette poésie du dynamisme et exprime l'appel d'agir;

- dans cette poésie les évènements sont toujours en éternel tourbillon;

2) стремление подчеркнуть процесс семантической трансформации слов *след* и *tourner*, выявить сначала их прямое, а затем переносное значение, например, ответы типа:

- в этом стихотворении слово *след* имеет два смысла, первый смысл: оставить *след* на полу, второй смысл: оставить *след* в жизни – сделать что-либо хорошее, значимое в жизни, то, что запомнится надолго;

- употребляя слово *след* в номинативном и художественно-иносказательном значении, автор передает идею стихотворения;

- слово *след* употребляется в разных значениях. Второе употребление слова *след* имеет более глубокое значение, чем первое;

- le sens de ce mot se transforme la fin de la poésie;

- le sens de ce mot se varie: chevaux de bois, chevaux de leur съur; chevaux de leur âme;

- ce mot est employé au sens propre et au sens métaphorique;

3) стремление отразить с помощью данных слов концептуальную сущность стихотворений, например, ответы типа:

- данное слово является главным в этом стихотворении и несет в себе всю смысловую нагрузку;

- слово *след* раскрывает всю глубину и сущность этого стихотворения;

- в этом слове таится главный смысл стихотворения: оставить след в жизни, чтобы она не была бессмысленной и пустой;

- ce mot montre l'idée principale de cette poésie;

- le sens de cette poésie est concentré en ce mot;

- ce mot exprime l'essentiel de cette poésie et dévoile entièrement l'intention de l'auteur;

4) выявление важного по смыслу слова с опорой на заголовок стихотворения, а также стремление подчеркнуть смысловую взаимосвязь заголовка стихотворения и важного по смыслу слова. Данная стратегия относится только к русским респондентам, поскольку ключевой элемент французского поэтического текста с названием не совпадает:

- это слово является названием стихотворения;

- автор не просто так назвал свое стихотворение *след*. Это название указывает на главное слово этого стихотворения;

- название стихотворения «След», следовательно, и речь в нем идет о следе;

5) выделение высокой сосредоточенности поэтов именно на этих словах на протяжении развития лирического повествования, например, ответы типа:

- на этом слове акцентирован весь логический смысл этого стихотворения;

- это слово занимает центральное место в смысле стихотворения, на нем автор акцентирует внимание читателя;

- автор не случайно выделяет слово *след* в тексте, ставя его единственным в строке, таким образом ненавязчиво он заставляет читателя обратить внимание именно на это слово;

- l'auteur fait l'accent sur ce mot;

- ce mot attire toute l'attention de l'auteur;

- l'auteur se concentre sur ce mot et découvre son contenu travers toute la poésie;

б) выделение главного по смыслу слова на основе его повышенной повторяемости в тексте, например, ответы типа:

- *это слово часто встречается в стихотворении и оставляет отпечаток после прочтения стиха;*

- *данное слово повторяется многократно в тексте и несет в себе основную информацию;*

- *это слово повторяется несколько раз, а также в стихотворении присутствуют слова, подходящие к нему по рифме;*

- *ce mot est dans chaque alinéa;*

- *ce mot se répute beaucoup de fois;*

- *on le répute trus souvent dans cette poésie.*

Примечательно, что 14 русскоговорящих испытуемых (2,4%) при аргументации своего выбора прямо назвали существительное *след* ключевым словом (не зная, что для нас это лингвистический термин), объяснив это тем, что в данном слове сосредоточен весь смысл стихотворения.

Принципиально важное значение для нас имеет и тот факт, что при аргументации своего выбора русские и французские испытуемые ссылались на то, что слова *след* и *tourner* последовательно реализуют сначала их прямые, а затем переносные значения. Это говорит о том, что респондентами улавливается не только финальная семантическая многозначность данных слов, но и сам процесс семантической трансформации. Об этом свидетельствуют, в частности, ответы, в которых испытуемые описывают сам переход от прямого значения к семантически многоплановому. Семантическое преобразование ключевого элемента воспринимается большинством как русских, так и французских респондентов.

Второй вопрос, поставленный перед русскими и французскими респондентами, формулировался следующим (тождественным) образом:

а) Как вы считаете, отличается ли по смыслу первое и последнее употребление начальной строфы? Предполагался одно-

значный ответ «да» или «нет» (нужное подчеркнуть)

б) *Qu'en pensez-vous, si se distingue par le sens la première et la dernière utilisation de la strophe initiale? (nécessaire souligner)*

Русскоязычным респондентам для ответа на этот вопрос было предложено одно из классических стихотворений – «**Черная шаль**» **А. С. Пушкина**. Ключевой элемент данного стихотворения активно формирует текст и занимает сильные позиции – начало и конец текста, включаясь в композиционное кольцо.

Франкоговорящим респондентам для ответа на этот вопрос было предложено стихотворение **Jacques Prévert** «**Chanson des sardinières**». Ключевой элемент данного стихотворения является текстообразующим и также представляет собой композиционное кольцо, выраженное строфой, тоже повторяющейся в сильных позициях текста – в его начале и конце.

Результаты анализа выполнения второго задания эксперимента показали, что 350 русскоговорящих испытуемых (60,6%) из 578 и 95 носителей французского языка из 137 (69,3%) не обнаружили никакого смыслового различия в первом и последнем употреблении начальной строфы и отрицательно ответили на заданный вопрос. Строфа:

«Гляжу как безумный на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль...» –

предстала для них абсолютно одинаковой в смысловом отношении в первом и последнем ее употреблении. Данная цифра является значимой для нашего эксперимента, поскольку составляет больше половины опрошенных. Об этом же говорят и результаты использования «хи-квадрат критерия», который подтвердил примерное равенство доли у русских и французских респондентов, не обнаруживших смысловой динамики в употреблении ключевого элемента.

С лингвистической точки зрения результаты эксперимента можно интерпретиро-

вать так, что при восприятии такого рода ключевого элемента респонденты постигают лишь содержательно-фактуальную информацию – линейную информацию, лежащую на поверхности текста, план его выражения. Что же касается содержательно-концептуальной информации – в разграничении данных информативных пластов текста мы следуем за И. Р. Гальпериным [1, с. 526–527], его внутренней смысловой сущности, то она, как показал эксперимент, часто остается при восприятии такого рода композиционного построения текста вне светлого поля сознания реципиентов.

Уместно напомнить о разграничении обычной грамотности и грамотности поэтической, которая, по мнению О. Э. Мандельштама, «ни в коем случае не совпадает ни с грамотностью обычной, то есть читать буквы, ни даже с литературной начитанностью» [3, с. 213]. Результаты ответов на второй вопрос предложенной реципиентам анкеты об этом как раз и свидетельствуют.

Полагаем, что идентичность графической формы начального и финального использования ключевого элемента также помешала восприятию его смысловой динамики.

Третий вопрос, поставленный перед носителями русского и французского языков, формулировался следующим образом:

а) Как Вы думаете, меняется ли смысл существительного «переправы» в процессе развития текста: да или нет? (нужное подчеркнуть).

б) Qu'en pensez-vous, si varie le sens de la ligne en vers: «Quand nous chanterons le temps des cerises» dans le prosis du développement du texte? (nécessaire souligner)

Вниманию русских респондентов было предложено стихотворение **А. Поперечного** «**Ночные переправы**», демонстрирующее плавный, поэтапный процесс семантического преобразования ключевого элемента. Франкоговорящим респондентам предлагалось стихотворение **Jean-Baptiste Clément** «**Le**

temps des cerises». Ключевой элемент данного текста представляет собой стихотворную строку, которая также характеризуется плавной семантической трансформацией и вследствие частой повторяемости (8 раз) приобретает особую роль в композиции текста.

Как показали результаты анализа данного задания, 374 русскоговорящих респондента (64,7%) и 110 франкоговорящих респондентов (80,3%) зафиксировали процессуальное изменение смысла у существительного *переправы* и у стихотворной строки *Quand nous chanterons le temps des cerises*. Это говорит о том, что, даже несмотря на большой объем представленного текста и плавный процесс семантической трансформации существительного *переправы* и стихотворной строки *Quand nous chanterons le temps des cerises*, и русские и французские испытуемые воспринимают семантический сдвиг в значении ключевых элементов, их смысловое неравенство в начале и в конце текста.

Подвергнув данные показатели статистической оценке с помощью «хи-квадрат критерия», мы получили результат равный 3,83, свидетельствующий о том, что принципиальной разницы в выделении испытуемыми ключевых элементов в русских и французских поэтических текстах не наблюдается.

И наконец, четвертый вопрос, поставленный перед русскими и французскими респондентами, был сформулирован следующим образом:

а) Внимательно прочитайте данное ниже стихотворение и скажите, без какого слова оно не смогло бы существовать? Какое слово (одно слово) невозможно выкинуть из текста? Подчеркните его сплошной чертой

б) Qu'en pensez-vous, sans quel mot ne pourrait pas exister cette poésie? Quel mot (un seul mot) il est impossible d'exclure du texte? Soulignez-le s'il vous plaot

Для ответа на данный вопрос носителям русского языка было предложено стихо-

творение **М. Исаковского «Огонек»**, написанное в 1942 г. и почти сразу же ставшее песенным шедевром военных лет. Выбор нами данного стихотворения определяется наличием ключевого слова *огонек*. Это существительное является не только композиционно-значимым элементом текста, но и его выразительно-изобразительным стержнем, реализующим последовательно не менее трех значений: *огонек* – символ *девушки*, символ *пылкой и верной девичьей любви*, символ *Родины*.

Франкоговорящие же испытуемые должны были прочитать стихотворение **Gustave Nadaud «Le Roi boiteux»**, также отличающееся особенностью функционирования ключевого слова *boiter*, которое выступает в качестве не только композиционно-значимого элемента текста, но и его выразительно-изобразительного стержня.

Как показал эксперимент, русскоговорящие испытуемые выделили в качестве такого слова существительное *огонек* – 432 человека, что составляет 74,7% всех респондентов, а французские респонденты в количестве 91 человека (66,4%) выделили в качестве основного цементирующего слова данного стихотворного текста глагол *boiter*.

Как показывают вышеизложенные результаты, процент носителей как русского, так и французского языка, выделивших существительное *огонек* и глагол *boiter* в качестве «несгораемых» слов стихотворных текстов, своеобразного фундамента его лексико-семантической структуры, на котором строится все повествование текста, довольно высок.

При использовании «хи-квадрат критерия» мы получили результат, свидетельствующий о проявлениях одной и той же статистической вероятности. Носители русского и французского языков примерно одинаково в большинстве своем распознают доминантную роль и центральную позицию ключевого элемента в лексико-семантической структуре текста.

Таким образом, результаты, полученные в ходе эксперимента с носителями русского и французского языков, подтвердили выдвинутую нами гипотезу о том, что стержневой характер ключевого элемента и его смысловое обогащение в процессе развития текста воспринимается большинством читателей, и подтвердили объективность нашего подхода к выделению ключевых элементов как явления стихотворного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гальперин И. Р. Грамматические категории текста // Известия АН СССР. Сер. Литература и язык. 1977. Т. 36. № 6. С. 522–532.
2. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française par Paul Robert, tome sixième. Paris: Société du nouveau littré le Robert, 1980. 887 p.
3. Мандельштам О. Э. Сочинения: В 2 т. Т. 2: Проза / Сост. и подгот. текста С. Аверинцева и П. Нерлера. М.: Худож. лит., 1990. 464 с.
4. Пузырёв А. В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В. Г. Белинского, 1995. 378 с.
5. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: И-во АН СССР, 1962. Т. 13. 1516 с.
6. Шанский Н. М. Созвучья слов живых // Русский язык в школе. 1983. № 6. С. 62–68.